
Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская Духовная Миссия (1717-1729 гг.)¹

Т. Пан

История Православной Церкви в Китае начинается с конца XVII в., когда в Пекине появились русские военнопленные из Албазина, покоренного маньчжурами в 1685 г. Плененные русские казаки и перебежчики были приняты на службу к китайскому императору, однако им было разрешено продолжать исповедовать свою веру. Религиозные обряды совершал первый православный священник Максим Леонтьев, прибывший в Пекин вместе с албазинцами. Как свидетельствуют источники, албазинцы довольно быстро отошли от религиозных канонов. Исследователь истории Российской духовной миссии в Китае В. П. Петров писал, что «очевидно сильно было влияние огромного китайского человеческого моря... Казалось бы тот факт, что албазинцам было разрешено иметь свою часовню в углу внутреннего Пекина, а также и свое кладбище за стенами города — должно было удерживать их в вере отцов и предков, но оказалось, что влияние китайской жизни, а главное тот факт, что им всем были даны жены из разбойничьего приказа, все это привело к тому, что несмотря на все усилия отца Максима, албазинцы стали постепенно “окитаезиваться”» [Петров 1968, 15]. Как отмечал иеромонах Николай (Адоратский), “языческие жены албазинцев, хотя и крещеные, внесли в дом своих мужей суеверия и китайских истуканов, перед которыми совершали поклонения. В ближайшем их потомстве явилось открытое равнодушие к вере отцев. Дети их по несколько времени оставались не окрещенными, несмотря на всевозможные увещания престарелого их пастыря. Мало того, дети самого отца Максима не чужды были некоторых суеверий китайского язычества” [Николай (Адоратский) 1997, 56-57].

В отечественной литературе принято считать, что именно религиозное отчуждение албазинцев явилось причиной организации Православной миссии в Пекине. Тем не менее, если проанализировать материалы исторических документов, опубликованных в первом томе “Русско-китайских отношений в XVIII веке”, то можно сделать вывод о том, что русских купцов не устраивала албазинская часовня и они хотели бы иметь свой собственный православный храм в Пекине. В данном случае уместно вновь процитировать упомянутый труд иеромонаха Николая (Адоратского): «При некоторых русских караванах, приходивших в Пекин, бывали и священники, но они не оставались там долго и притом не имели дозволения от китайского правительства отправлять открытое богослужение. Русский посланник Избрант <Идес> пробовал в 1693 году ходатайствовать перед китайским правительством о дозволении построить в Пекине российскую церковь иждивением российских государей и для оной отвести место. На это ему пекинский трибунал ответил: “Построение в Китае церковью иноземцам, тем, кои вечно живут в царстве узаконено, а приезжающим только на время требовать церковью в обычай не положено”» [Николай (Адоратский) 1997, 53]. По-видимому, этот категорический отказ китайского правительства послужил причиной поиска других возможностей создания постоянно действующего православного храма в Китае.

¹ Первоначальный вариант статьи на русском языке был опубликован в “Историческом вестнике” № 2 (6) 2000. – Москва-Воронеж: издательство Воронежско-Липецкой епархии, 2000. – С. 196-202.

Таким поводом оказалось крайне неудовлетворительное положение дел в албазинской общине². Последующие действия правительства России, указ Петра I об организации первой Православной миссии в Пекине достаточно подробно освещены в научной литературе. [Николай (Адоратский) 1997, 58-64; Петров 1968, 17-19; Widmer 1976, 23-33].

В результате всех проведенных мероприятий митрополит Тобольский и Сибирский Иоанн (Максимович) к 1715 г. сформировал первую Православную миссию из семи причетников (Иосиф Дьяконов, Никанор Ключосов, Петр Якутов, Григорий Смагин, Феодор Колесников, Андрей Попов, Иосиф Афанасьев)³, иеродиакона Филимона, иеромонаха Лаврентия во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским). К сожалению, исторические архивы России не сохранили достаточных данных о раннем периоде истории Пекинской миссии и большинство сведений о нем мы имеем лишь из воспоминаний членов более поздних миссий или католических миссионеров, находившихся в то время в Китае. Современные авторы объясняют этот факт следующим образом: “Если вспомнить, что момент посылки Лежайского относится к середине 10-х гг. XVIII в., когда в России фактически еще не было центрального учреждения, ведавшего церковными делами⁴, становится понятным, почему это мероприятие осталось вне поля зрения центра и в фондах центральных учреждений не отразилось. Более того, тобольский митрополит, так же как и сибирский губернатор в гражданских делах, имел огромные права в решении местных церковных вопросов. На то, что вопрос о посылке священника в Пекин мог быть признан в Тобольске местным, указывает практика того времени, когда волей митрополита назначались священники к едущим в Пекин караванам, к посольствам в пограничные районы и деловым посылкам в Ургу и Наун” [Русско-китайские отношения 1978, 31]. Этим можно объяснить тот факт, что нам известно относительно немного об архимандрите Иларионе (Лежайском) – главе первой Православной миссии в Пекине. Все работы по истории миссии упоминают лишь основные факты его биографии: Лежайский родился в Чернигове в 1657 г., обучение проходил в Киевской духовной семинарии, был настоятелем Спасского монастыря в Якутске, а затем назначен начальником первой Православной миссии в Китае.

Как ни покажется странным, но до сих пор среди историков не существует единой точки зрения в вопросе о том, когда миссия прибыла в Пекин. Русские архивные источники указывают две даты: 20 апреля 1715 г. и 11 января 1716 г. [Русско-китайские отношения 1978, 611-612 (сноска 2 к документу № 165)]. Китайские источники дают только год — “54-й год правления Канси”, что соответствует периоду с 4 февраля 1715 г. по 23 января 1716 г. Однако везде подчеркивается, что миссия прибыла в Пекин вместе с китайским посольством Тулишена, возвращающимся из поволжских степей от калмыцкого Аюки-хана. В своих “Записках о чужеземном крае” (“И-юй лу”) Тулишень пишет, что он вернулся в столицу в 27-й день 3-го месяца 54-го года правления Канси [Иманиси Сюнцзю 1964, 341]. Эта дата соответствует 30 апреля 1715 г. по европейскому календарю, и ее мы должны принять за день приезда архимандрита Илариона и членов его миссии в Пекин.

² Более подробно об албазинцах и отношении российского правительства к ним см.: Петров 1956; Pang 1999, 132-139.

³ В состав миссии вошли также ученики китайского и маньчжурского языков: Лука Воейков, Иван Пухарт, Федор (Федот) Третьяков, Иван Шестопапов (Яблонцев) [Скачков 1977, 358]

⁴ Имеется в виду – Святейший Правительствующий Синод.

Как сообщает иеромонах Николай (Адоратский), миссия была обеспечена всем необходимым для проведения служб. Более того, на содержание миссии было отпущено достаточное количество денег, серебряная посуда, два кафтана и атласная ряса. В Пекине первая миссия была принята с особенным вниманием. “Богдыхан зачислил членов ее в высшее сословие государства, а именно: архимандрита пожаловал мандарином (т. е. чиновником. — *Т. П.*) 5-й степени, священника с диаконом — мандаринами 7-й степени, а учеников причислил к сословию солдат. Всем членам миссии были отведены казенные квартиры подле албазинской церкви и, вероятно, участки земли, а также временное пособие... Сверх того, от трибунала <иностранных дел> определено было производить им ежемесячное жалование...” [Николай (Адоратский) 1997, 71-72].

Насколько можно судить по документам, в первое время дела миссии шли довольно успешно. К ее членам ежемесячно приезжал посланник китайского императора справиться о здоровье начальника и о нуждах миссии. Архимандрит Иларион устроил “правильное и стройное богослужение, чем привлекал в православную церковь не только албазинцев, но и других язычествующих жителей Пекина ...” [Николай (Адоратский) 1997, 73]. Однако вскоре выяснилось, что в миссии не хватает богослужебных книг, а сама жизнь в Китае для ее членов представляет значительные трудности. Возможно, для пополнения библиотечного фонда миссии в Россию в 1717 г. были отправлены три члена миссии – Андрей Попов, Феодор Колесников и Иосиф Афанасьев, ни один из них обратно не вернулся. Довольно скоро начались и материальные трудности из-за нерегулярности денежных переводов из России.

Следует сказать, что деятельность членов миссии не ограничивалась работой в русской общине. Одной из задач, поставленных российским императором Петром I перед миссией, был сбор материалов о Китае и помощь в нормализации и поддержании на должном уровне межгосударственных отношений. Безусловно, им пришлось для достижения этой цели активно заняться изучением китайского и маньчжурского языков. Особенно в этом отношении преуспел Иосиф (Осип) Дьяков, который, выучив маньчжурский язык, служил в китайском Трибунале иностранных дел (Лифаньюане) переводчиком российских грамот, присылаемых в Пекин. Вероятнее всего, он стал первым русским учителем в школе русского языка при Дворцовой канцелярии, открытой в 1725 г.

К сожалению, ни в китайских, ни в русских архивах не сохранилось сведений о личности самого архимандрита Илариона. Однако в материалах посланника Римского папы в Пекине Маттео Рипы есть любопытные воспоминания о его встречах с начальником Православной миссии и впечатления о ее членах: “В Пекине был настоятель и двенадцать священников (sic!), которые были посланы Петром Великим для духовной поддержки русских военнопленных. Поскольку ходило много странных слухов об этих священнослужителях, то я решил лично познакомиться с ними с намерением в дальнейшем написать полный отчет в Пропаганду <Веры>. Следуя традициям страны, в которой мы находились, я сначала послал настоятелю подарок, а затем стал ждать его самого. Я нашел его манеры благородными и учтивыми, он был исключительно опрятен в одежде и вещах. Всякий раз, когда он выходил из церкви, на груди его было распятие, а в руках он держал пастораль⁵. Он был схизматик⁶, но при мне он притворялся католиком. Он говорил на латинском достаточно, чтобы его можно было понять, и поскольку он сказал, что один из его священников, который болен, также может

⁵ Имеется в виду – архимандритский посох.

⁶ Характерное для католических священников того времени отношение к православным клирикам и мирянам как раскольникам, берущее свое начало со времен XI в.

говорить на <латинском> языке, то я пошел навестить его, но единственное, что я мог услышать от него, было *intelligit, intelligit*. Настоятель сказал, что количество христиан его общины с трудом достигает пятидесяти, и они являлись потомками военнопленных, один из которых еще жив, но очень стар. Я спросил, правда ли, что он крестил большое количество китайцев. На что он ответил, что крещение ограничилось членами семей военнопленных, и что он не общался с китайцами из-за незнания их языка, и что плачевное состояние его общины требовало все его внимание... Хотя настоятель был элегантен в одежде, у его подчиненных священнослужителей был потрепанный и жалкий вид. Я даже видел некоторых из них играющими на улице перед церковью, что для Китая особенно недопустимо и невозможно для хоть немного приличных людей” [Memoirs of Father Ripa 1846, 102-103].

Известно, что члены миссии часто предавались пьянству, плохо выполняли свои обязанности, — все эти переживания вконец расстроили здоровье архимандрита Илариона, особенно после того, как три его подчиненных уехали в Россию. Считается, что он страдал ревматизмом и ездил на горячие источники в 22 верстах от Пекина. Он скончался на обратном пути в Пекин после пребывания на этих источниках.

Различные исторические документы дают разные даты смерти архимандрита Илариона (Лежайского): в одних указываются 14 октября 1717 г. или 26 апреля 1718 г. [Русско-китайские отношения. 1990, 561-562 (сноска 3 к документу № 56)], в других — 1719 г. [Бантыш-Каменский 1882, 84]. По свидетельствам католических миссионеров, Лежайский был похоронен на русском кладбище к северу от Татарской городской стены, по-видимому, недалеко от могилы Максима Леонтьева — первого русского священника из Албазина. К началу XIX в. от могилы Леонтьева не осталось никаких следов, однако Дунгеон, писавший сразу же после Тяньцзинских событий, докладывал, что нашел камень с могилы Лежайского, оскверненный китайскими надписями [Widmer 1976, 197 (прим. 23)]. В настоящий момент на территории бывшего русского кладбища разбит парк и нет никаких сведений о местонахождении этого надгробия, которое, вполне вероятно, разрушено окончательно.

Для нас совершенно неожиданной находкой оказалась информация, обнаруженная в “Сводном каталоге маньчжурских документов, хранящихся в Китае”, опубликованном в 1991 г.: в разделе “Эстампы” под № 0401 мы находим название *Леласыцзи мубэй*, т. е. “Надгробный камень Лежайского”. Этот эстамп был снят с камня, установленного на могиле ныне не существующего русского православного кладбища в Пекине. Хранящиеся в Национальной библиотеке в Пекине два листа, каждый размером 173x51 см, являются ныне одними из редких документов на китайском, маньчжурском и церковнославянском языках. На первом листе текст написан на китайском и маньчжурском языках, на втором, отображающем обратную сторону камня, представлена надпись на церковнославянском языке. Китайский текст слева состоит из трех параллельных строк: *Тяньчжуцзяо⁷ дашэньфу алисиманьдэли илаливань леласыцзи. Канси уишци нянь ба юэ шици жи* — “Христианский священник архимандрит Илаливань Леласыцзи. 17-й день 8-го месяца 57-го года правления Канси” (т. е. 11 сентября 1718 г. по европейскому календарю).

⁷ В начале XVIII в. термин *тяньчжуцзяо*, по-видимому, относился к христианской религии в целом. Термин *дунчжэньцзяо* появился позднее для обозначения православной веры. Русское слово архимандрит в обоих текстах транслитерировано (*алисиманьдэли/арисиманьдэри*), лишь позднее появится специальный термин *сойшидацзыци* для обозначения этого духовного сана.

Справа от китайской надписи помещены две вертикальные строки на маньчжурском языке: *Тянь цзю гиё да шэнь фу арисиманьдэри илаливань леласги. Элхэ тайфинь и сусай надачи аня чжакунь бяи чжувань дэ гирань синьдам-би* – “Христианский священник архимандрит Илаливань Леласги. Тело захоронено 10-го дня 8-го месяца 57-го года Элхэ Тайфинь” (т. е. 3 сентября 1718 г.).

Два эстампа с надгробного камня могилы архимандрита Илариона Лежайского: на левом – надпись на китайском и маньчжурском языке, на правом – на русском языке.

Оригиналы хранятся в Национальной библиотеке в Пекине.

Как мы видим, первая строка маньчжурского текста является транслитерацией первой китайской строки, однако немного изменена фамилия погребенного. Странным является несовпадение дней месяца. Более подробную информацию дает второй эстамп, снятый с оборотной стороны надгробного камня с текстом на церковнославянском языке: “1717го преста//вися раб // Божий священно//архимандрит // Иларион // прозванием // Лежайский ро//дом из Польши // поживе лет // 60 и погребен здесь”.

Таким образом, мы можем представить, как выглядел надгробный камень, установленный на могиле архимандрита Илариона (Лежайского) (Илаливань Леласьцзи-Леласги), главы первой Пекинской духовной миссии. Именно эта находка позволяет нам уточнить некоторые даты. В китайском тексте указано число 11 сентября 1718 г., в маньчжурском — 3 сентября 1718 г. В последнем случае добавлены два слова: *гирань синьдамби*, отсутствующие в китайском тексте и

означающие *похоронить тело*. В силу этого мы вправе предположить, что маньчжурская надпись указывает дату захоронения, а китайская — дату установления надгробия. С другой стороны, церковнославянский текст на оборотной стороне камня четко указывает год смерти архимандрита как 1717 г., добавляя “когда ему было 60”. Поскольку известно, что Лежайский родился в 1657 г., то в 1717 г. ему как раз исполнилось 60 лет.

Подводя итог вышесказанному, мы можем устранить некоторые хронологические неточности, встречающиеся в литературе по истории православной миссии в Китае:

1. днем приезда архимандрита Илариона и возглавляемой им первой Пекинской духовной миссии в столицу Китая является 30 апреля 1715 г.

2. находка эстампа с надгробного камня архимандрита Илариона позволяет уточнить дату его смерти. Годом его смерти следует считать 1717 г., возможно 14 октября (как указано в одном из русских документов), по дороге с теплых источников в Туншане недалеко от Пекина [Pavlovsky 1949, 162]. Предание тела земле (или, скорее, освящение могилы) произошло значительно позднее — 3 сентября 1718 г. (что не противоречит китайской обрядовой практике), несколькими днями позже, т. е. 11 сентября 1718 г. на могиле был установлен надгробный камень.

После смерти архимандрита Илариона (Лежайского) китайское правительство отослало иеродиакона Филимона и Григория Смагина в Россию сообщить Сибирскому генерал-губернатору М. П. Гагарину о кончине главы миссии. Оставшимся четырем членам миссии пришлось испытать на себе все тяготы китайской жизни вплоть до приезда нового состава второй Православной миссии в 1729 г. Именно их непростой и героический труд послужил основой более чем 200-летней деятельности Православной духовной миссии в Китае.

Литература

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. – Казань: Императорский университет, 1882.

Иманиси Сюнцзю. Ко: тю: “И-юй лу” (Исправленное и прокомментированное “И-юй лу”). – Тенри, 1964. С. 341.

Николай (Адоратский), иером. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685-1745) // История Российской духовной миссии в Китае. – М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1997. – С. 14-164.

Петров В. П. Албазинцы в Китае. – Вашингтон: Виктор Камкин, 1956.

Петров В. П. Российская духовная миссия в Китае. – Вашингтон: Виктор Камкин, 1968.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1: 1700-1725. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Наука, Восточная литература, 1978.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2: 1725-1727. Отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Наука, Восточная литература, 1990.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. – М.: Наука, Восточная литература, 1977.

Цюаньго маньвэнь тушу цзыляо лянхэ мулу (“Сводный каталог маньчжурских документов, хранящихся в Китае”). – Пекин: Шуму вэньсянь чубаньшэ, 1991.

Memoirs of Father Ripa, during thirteen years’ residence at the Court of Peking in the service of the Emperor of China. Translated by F. Prandi. – N. Y., 1846.

Pang T. A. The “Russian company” in the Manchu Banner Organization // Central Asiatic Journal. No. 43. Part 1. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1999. – P. 132-139.

Pavlovsky M. N. Chinese-Russian relations. – N.Y.: Philosophical Library, 1949.

Widmer E. The Russian Ecclesiastic mission in Peking during the eighteenth century. – Cambridge (Mass.)-London: Harvard University Press, 1976.